

Немцы России
в контексте
отечественной
истории:

общие проблемы
и региональные
особенности

Материалы международной
научной конференции

Москва, 17-20 сентября 1998 г.

Москва «ГОТИКА» 1999

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) В 1920–1930-е гг.

Т. А. Шрадер

Сельское хозяйство в России с 1917 г. до начала Второй мировой войны претерпело множество потрясений. К сожалению, последняя пора периода воюющего коммунизма, кратковременного нэпа, тотальной коллективизации не нашли отражения в специальной литературе. Работа с архивными документами, касающимися состояния немецких крестьян Петроградской губернии (Ленинградской области), дает определенное представление о социально-экономическом положении этой группы населения на протяжении двух десятилетий.

Надо сказать, что условия жизни немцев в Петроградской губернии отличались от тех, в которых жили немцы Поволжья, Украины и других районов страны.

Во-первых, необходимо отметить немногочисленность этой группы крестьян по сравнению с русскими, финнами, эстонцами, среди которых разрозненно жили немцы (в 1920 г. в Петроградской губернии проживало 699 625 русских, 103 356 финнов, 7692 немца) [1].

Во-вторых, относительно малое количество дворов в колониях. Так, в основанных в конце XVIII века колониях Ново-Саратовская, Средняя Рогатка было соответственно 203 и 132 двора, в Стрельнинской колонии – 76 дворов, некоторые состояли из 18–26 домохозяйств, а иногда и 7.

В-третьих, исторически сложилось так, что небольшие колонии располагались преимущественно недалеко от города, некоторые из

них, например, Средняя Рогатка, Ново-Саратовская, в 1918 г. были включены в состав города, позднее границы города были изменены.

В-четвертых, основным направлением деятельности немецких крестьян этого района было огородничество и молочное хозяйство. Молочные продукты и овощи отправляли на продажу в Петроград-Ленинград. На значительной части сельхозугодий они выращивали картофель, травы, злаки.

В предреволюционные годы колонисты могли расширять угодья, создавая новые колонии за счет покупки земельных участков. В советский период об этом не могло быть и речи, и на протяжении двух десятилетий размеры хозяйств оставались неизменными.

Значительные материалы, раскрывающие экономическое состояние немецких колонистов в 1920-е гг., представлены в Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга в фонде Ленгубзауправления. В Ленинградском областном государственном архиве г. Выборга в фонде Земельного отдела Лениблисполкома сохранились фрагментарные документы немецких колхозов 1930-х гг. В Государственном центральном архиве кинофотодокументов в Санкт-Петербурге хранятся фотодокументы 1930-х гг., на которых запечатлены эпизоды жизни немецких колхозников. В статьях «Поселения немецких крестьян-колонистов в Петробургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в.» и «Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг.» [2] представлен фактический материал о жизни немецких колонистов в рассматриваемый период.

Начиная с 1919 г. Земельное управление Петроградского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов производило сбор данных по хозяйствам немецких колонистов. Для этого каждый владелец должен был заполнить специальный бланк, указав имя, адрес, размер земельного участка, включая площадь посева под овощные культуры, овес, травы, а затем состав семьи – количество едоков и работающих. Среди документов упомянутого управления сохранились статистические данные по ряду немецких колоний, которые довольно подробно отражали состояние немецких колонистов на первые годы советской власти [3] (см. табл. 1). В среднем на каждого владельца земельного участка приходилось от 2 до 4 дес., в отдельных случаях встречались участки и по 56 дес. В анкетах владельцы не отмечали площади, занятые под плодовые сады. Но надо отметить, что при

знакомстве с этими статистическими данными видно, что площади участков в старых колониях, т.е. основанных в конце XVIII — начале XIX вв. (Ново-Саратовская, Средняя Рогатка, Стрельна и др.), в среднем были меньше, чем в созданных на купленных колониюстами землях во второй половине XIX в. В колониях проживало большое число однофамильцев. Так, например, в Стрельнинской колонии в эти годы фамилию Амон имели 18 домохозяев, фамилию Эйдемиллер — 28, фамилию Бок — 20 и т.д. В колонии Ново-Саратовская с фамилией Бич было 12 домохозяев, Шефер — 15, Штро — 11. Экономическое положение семьи колониюста, безусловно, зависело от размера обрабатываемой им земли, и социальное неравенство в начале 1930-х гг. создало базу для выявления кулаков при коллективизации. К примеру, возьмем домохозяев-однофамильцев в Ново-Саратовской колонии: Бич Иван Федорович владел 10 дес. 1200 кв. саж.; Бич Готфрид Адамович — 1 дес. 1200 кв. саж.; Бич Екатерина Христиановна 7 дес.; Рейх Адам Яковлевич — 10 дес. 600 кв. саж.; Рейх Федор Федорович — 1 дес. 1200 кв. саж. [4].

Таблица 1. Сведения о посевах площадах в немецких колониях Петроградской губернии в 1920 г., дес.

Название колонии	Общая площадь, дес.	Площадь под карто- фелем, дес.	Площадь под зла- ками, дес.	Площадь под травами, дес.
1. Ново-Саратовская	746	212	278	194
2. Средняя Рогатка	450	42	84	324
3. Стрельнинская	566	51	90	248
4. Овчино	484	135	171	178
5. Гражданка	269	33	74	155
6. Красненская	55	2	20	н/свед.
7. Мурино	48	23	9	25
8. Малая колония	91	н/свед.	н/свед.	н/свед.
9. Ново-Александровская	208	н/свед.	н/свед.	н/свед.
10. Веселый поселок	195	н/свед.	н/свед.	н/свед.
11. Каменка + Горка	301	н/свед.	н/свед.	н/свед.
12. Кронштадтская	51	н/свед.	н/свед.	н/свед.

В первые годы после 1917 года, в период военного коммунизма, в период тотального голода и разрухи местные власти безжалостно высасывали продовольственные товары у немецких колониюстов.

Об этом свидетельствует доклад, направленный в подотдел при Наркомате о положении немецких колониюстов в Петроградской губернии. В нем указывалось на предвзятое отношение местных властей к немецким крестьянам: им увеличивали продналог на картофель в 3 раза по сравнению с крестьянами других национальностей, отбирали земли на общественные нужды, требовали больше трудовых повинностей и др. [5].

Среди документов Земельного отдела Петроградской губернии имеются сведения об изъятии в 1919—1920 гг. у немецких колониюстов излишков картофеля и сена. В каждой колонии были созданы «тройки по учету урожая», следившие за изъятием овощей и сена из амбаров и подвалов крестьян. Сохранившиеся в архиве учетные ведомости излишков с перечнем фамилий крестьян, у которых произошло изъятие, с точным указанием объема его с каждого колониюста являются ярким свидетельством чрезвычайно сложной жизненной ситуации, в которой приходилось жить и работать не только немецким колониюстам в период военного коммунизма [6] (см. табл. 2).

Таблица 2. Изъятие из учетных ведомостей изъятия картофеля в немецких колониях в 1919—1920 гг.

Название колонии	Площадь под карто- фелем, кв. дес. и саж.	Урожай, в пудах и фунтах	Оставлено на семена (в пудах и фунтах)	Оставлено на еду (в пудах и фунтах)
1. Ижорская (Коллинская)	8692 кв. саж.	17 942 п. 26 ф.	520 п.	11 323 п. 4536 п. 24 ф.
2. Уткина заводь	9 кв. дес., 1078 кв. саж.	10 612 п.	2642 п.	2668 п. 4877 п.
3. Янино	49 031 кв. саж.	19 944,5 п.	49 924,5 п.	5778 п. 9174 п.
4. Смольная	7 кв. дес., 1601 кв. саж.	8860 п. 7 ф.	1770 п.	3429 п. 3660 п. 16 ф.
5. Стрельнинская	81 443 кв. саж.	30 346 п.	4410 п.	8206 п. 17 936 п.
6. Каменка + Горка	82 424 кв. саж.	26 200 п.	6077 п.	10 388 п. 9735 п.
7. Ново-Саратовская	45 375 кв. саж.	18 988 п. 29 ф.	3777 п. 20 ф.	4933 п. 20 ф. 9802 п. 09 ф.

Излишки, как правило, составляли половину полученного урожая. Схожая ситуация складывалась в летний период 1919 и 1920 гг., когда власти конфисковали значительную часть урожая сена. Например, в колонии Веселый поселок летом 1920 г. на 130,5 дес. колонисты получили 19 116 пудов сена, из которых 7043 местные власти посчитали излишком [7]. Помимо излишков сельхозпродукты брали по нарядам Губпромкама. Из колонии Камсика в эти годы по наряду Партоловскому соделу было отпущено 3040 пудов картофеля, Левашовскому соделу — 400 пудов, Сестрорецкому — 3500 пудов, для Губпродкама — 510 пудов, для Петрокомпрода — 798 пудов 27 фунтов, всего было отпущено 8248 пудов 27 фунтов, всего взято в Каменке 8788 пудов, оставлено на посев 1920 г. 1680 пудов картофеля. Летом 1919 г. в той же колонии с 50 десятин было накошено 17 170 пудов сена, забрали от крестьян 3510 пудов [8]. Сливкок побного рода данных можно продолжить, но даже по вышеприведенным можно предположить, что советские власти в период военного коммунизма пользовались плодами труда немецких колонистов, которые как и в прежние времена отличались от окружающих хозяйств высокой производительностью труда и хорошими урожаями. Об этом свидетельствуют и требования со стороны властей в Отделе по управлению немецкими колониями об оказании помощи кормами из колонии Каменка совхозам «Равово» [9], «Лакта» [10], «Петрокоммуна» и «Горский» [11], об отпуске 300 пудов озимой соломой для Петроградской заводской конюшни, а в связи с отсутствием корма на молочных фермах отпустить 1000 пудов сена из запасов подотдела немецких колоний [12]. В январе 1921 г. в отделе Петроградской райкоммуны поступило распоряжение, в котором говорилось, что в связи с полным отсутствием корма для скота земотдел третий раз обращался с просьбой отпустить солому и сено, ибо по имевшимся у них данным в колонии Каменка яровая солома у местных крестьян не вся была взята на учет [13]. Кроме того, из колонии Веселый поселок просили отпустить для колонии III Петрогуботдела 1500 пудов овсяной соломы [14]. Список требований об оказании помощи можно продолжить. При знакомстве с документами по переписке Земотдела Петрогубисполкома с Центральным обществом немецких колонистов создается впечатление, что запасы немецких колоний были неисчерпаемы. Ведь немецкие крестьяне не только сдавали излишки и оказывали помощь другим сельскохозяйственным организациям, но должны были сдавать по заказам солому, необходимую для продовольственного процесса в ли-

тейные мастерские Машиностроительного завода № 1 (бывший э-д «Атлас»), Путиловскому заводу [15], заводу Петрониттрик — 2000 пудов сена за оплату, причем часть оплаты шла нитками и бракованными чулками [16] и др. В летний период немецкие крестьяне испытывали большие трудности — не хватало лошадей, так как рабочие лошади были забраны на фронт, к тому же Ново-Саратовская колония находилась в распоряжении 8-й армии для работ по транспорту. На запрос о необходимости выделить лошадей для посадки картофеля часть колоний получила от военного ведомства чрезвычайно истощенных лошадей. Колонистам же требовалось для работы более 100 лошадей [17].

В октябре 1920 г. было опубликовано распоряжение относительно хозяев, уклонившихся выставить излишки, — немцев грозили привлечь к ответственности. Правда, в документах по переписке Губисполкома с немецкими колониями указан лишь один случай: обследование погребов Карла Шмидта по выявлению излишков картофеля, которые он скрывал. Тройка состояла из местных колонистов. Представляет интерес факт, когда работники Технического строительного завода, принимавшие участие в работе «Неделя вооружения», были вознаграждены «тройкой по реализации урожая» 121 пуд. картофеля из запасов Ново-Александровской колонии [18]. Трудно перечислить все требования от местных властей к Центральному обществу немецких колонистов. Укажем лишь некоторые: поставки сена для Невской бумагопрядильной фабрики, соломы для советских пехотных Петроградских командных курсов, соломы для Государственного завода резиновой промышленности и т.д.

В июне 1920 г. в разгар летних работ, от колонии Овцино потребовали 30 женщин на работу на кирпичный завод. Женщины не поехали, на колонию наложили штраф в 500 000 руб., который не был заплачен. Тогда в качестве заложников отравили в Шлиссельбургскую крепость 5 самых достойных мужчин колонии. Отдел по сельскому хозяйству Губисполкома ходатайствовал перед Президиумом исполкома Петросовета уладить конфликт, так как, по их словам, колония имела для голодного Петрограда большое значение — она дала 80 000 пудов излишков картофеля, несколько тысяч пудов соломы, сена и овса. Конфликт был улажен [19].

Немецкие крестьяне обращались с просьбами через свое Центральное общество в «Ответственную тройку по реализации урожая» разрешить создать собственную конную базу, отпустить керосин для

освещения подвалов по сортировке картофеля, повысить закупочные цены на сельхозпродукты. На все просьбы был получен отказ [20]. В просьбе о премировании крестьян в немецких колониях, временно выполнявших требования по реализации урожая, было отказано, так как, по мнению властей, реализация урожая проводилась в порядке государственной повинности [21].

Политика насильственного изъятия продовольствия и сена вызвала негативную реакцию у значительной части колонистов. В рапорте уполномоченного в Ново-Саратовской колонии Л.А. Гуркова описаны трудности в работе с колонистами, среди которых, по его утверждению, процветала жажда к спекуляции, наживе, отмечались бездеятельность и попустительство со стороны волостного Ново-Саратовского сельсовета. В заключение автор потребовал констатации и изменения состава волостного совета, который в то время состоял из представителей немецких крестьян [22].

Итак, немецкие колонии, способные в условиях сложного времени добывать приличных урожаев, стали объектом внимания советских властей, которые превратили немецкие колонии в пункты поставки картофеля, сена, соломы в Петроград и армию. На совещании, проводимом в Петросовете, по установлению цен на картофель, поставляемый крестьянами муниципализированных немецких колоний, было указано на большое значение колоний в снабжении продовольствием голодающего населения Петрограда в суровые осенние месяцы 1919 г. [23].

В январе 1922 г. возникло Товарищество немецких колонистов, которое в апреле того же года получило название «Потребительский кооператив немецких колонистов». Оно объединило немецких крестьян всей Петроградской губернии, членами товарищества были в основном середняки. Для расширения капитала товарищество начало вести мелкие товарооборотные операции и занималось торговлей через свой кооператив, коттора которого располагалась в Петрограде на Гороховой, 41 [24]. Кооператив состоял из 252 членов, совместно с пайщиками кооператив насчитывал 501 чел. [25].

В задачи кооператива входило снабжение своих членов, их семей продуктами и предметами первой необходимости, снабжение сельскохозяйственными продуктами, удобрениями, скотом. Для осуществления этих задач кооператив мог получать необходимые для распределения продукты и предметы первой необходимости от ПЕПО (Петроградское потребительское общество), от правительственных и общественных организаций, общественных лиц, Коопе-

ратив мог производить товарообмен или продажу сельхозпродуктов, оставшихся после выдачи продналага, кустарно-промышленных изделий и др. Для хранения своей продукции члены кооператива могли строить или арендовать ремонтные мастерские, склады, организовывать для членов пункты общественного питания и др. При этом кооператив в своей деятельности — распределительной, производственной, заготовительной, культурной и просветительской — должен был руководствоваться планами и нормами, установленными органами власти [26]. Членами кооператива могли быть лица, которые ранее состояли в Обществе немецких колонистов Петроградской губернии, учрежденном в ноябре 1920 г. и прекратившем с созданием нового кооператива свою деятельность. Вступившие в кооператив вносили плату пая в размере 10 тыс. руб. и не менее одного пая в размере 1 млн руб. Средства кооператива состояли из оборотного капитала, включавшего в себя вступительные взносы и ежегодные отчисления чистой прибыли, и запасного капитала. Кооператив прекращал свою деятельность по постановлению Общего собрания уполномоченных или когда число членов было менее 100 человек [27].

К сожалению, среди архивных материалов не обнаружены дела, отражающие деятельность данного кооператива. Лишь из доклада инструктора подотдела сельскохозяйственной кооперации губзауправления А.А. Миронова от 27.04.1922 г. явствовало, что деятельность его протекала слабо за неимением средств, и общество работало в масштабе губернии [28].

В рассматриваемый период в стране было три кооперативные системы — потребкооперация, сельскохозяйственная и кустарно-промышленная кооперация, возглавляемые Центросоюзом. Целью сельскохозяйственной кооперации было объединение крестьян для совместного участия в решении вопросов кредитования, сбыта продукции, снабжения средствами производства. Это была более прогрессивная организация чем потребсоюз. В июне 1922 г. немецкая потребкооперация обратилась с просьбой зарегистрироваться в сельскохозяйственную при Губзауправлении. Заявление было рассмотрено, в перерегистрации отказано [29].

Нельзя пройти мимо циркулярного письма из Народного комиссариата земледелия уполномоченному Северо-Западного района г. Петрограда (апрель 1923 г.). В нем было указано, что «хозяйство немецких колоний и ранее было более культурным чем хозяйство окружающего их крестьянского населения. Показательное и общес-

значение немецких колоний в работе земорганов усиливается тем, что колонисты, получая кредит из-за границы, могут быстрее перейти к высококультурным способам ведения хозяйства. Хозяйственное оживление вызвало в немколониях значительный рост с/х кооперативов». И далее в письме указывалось на их националистический уклон и предлагалось более интенсивно вовлечь немецкие кооперативы в общую кооперативную сеть [30].

В феврале 1925 г. в кооперативный отдел Ленинградского губернского земского правления от учредителей сельскохоззяйственного товарищества «Немецкий колонист» был направлен устав для внесения его в реестр кооперативного товарищества [31]. 19 февраля того же года устав был утвержден. Кооператив «Немецкий колонист» действовал в районе Октябрьской волости Ленинградского уезда Ленинградской губернии. Текст устава этого кооператива существенно отличался от принятого в 1922 г. За прошедшие 3 года в стране наметились сдвиги в восстановлении сельского хозяйства и товарооборота. Получившая в этот период развитие сельскохозперация ставила своей целью объединение крестьян вначале в сфере товарно-денежных обращений, а затем в сфере производства (совместная переработка продукции индивидуальных хозяйств, совместное приобретение и использование техники). На XVI партийной конференции (апрель 1925 г.) ставилась задача систематизации и поддержки коллективных хозяйств. Немецкие колонисты, как было указано, живо откликнулись на создание кооперативов. Цель нового кооператива — обслуживать хозяйственные нужды своих членов и содействовать путем взаимопомощи повышению производительности их хозяйств и культурного уровня. Права кооперации значительно расширились — помимо снабжения членов кооператива семенами, сельхозмашинами, скотом кооператив получил право собирать для сбыта, хранить, перерабатывать продукцию, открывать склады, магазины, конторы для продажи продукции, строить мельницы, сушилки, сыроварни, маслобойки, крахмальные заводы, устраивать показательные поля, сады, огороды, распространять сельскохоззяйственные знания, создавать читальни, библиотеки и т.д. Членами кооператива могли стать лица, достигшие 18 лет, занимавшиеся в районе действия кооператива связанным с сельским хозяйством промыслом. Вступительный взнос для члена кооператива был 50 коп., пай — 5 руб. В уставе были определены четкие правила отчетности и учета финансовой деятельности за год — с 1 октября по 30 сентября. По отчету чистой прибыли были отчислены 25%

в запасной капитал, 15% — в основной, остальная часть шла в распоряжение Общего собрания [32].

15 марта 1926 г. был зарегистрирован устав «Бычьего товарищества» (Оксенфрайн), деятельность которого распространялась на колонию Овчино. Основной задачей товарищества было, в соответствии с планом улучшения скотоводства в Ленинградском уезде, выведение племенного стада на основе холмогорской породы. План был рассчитан на несколько лет [33].

Но уже на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. в стране было принято решение о развитии сельского хозяйства, задачей которого теперь являлось объединение и преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы. Ленинградская область была охарактеризована как непродвидающая и основными направлениями сельского хозяйства были определены молочное животноводство, огородничество и льноводство.

В фонде Ленинградского областного государственного архива представлены материалы не по всем немецким колониям. На основе сохранившихся документов в какой-то степени можно восстановить состояние немецких колхозов в 1930-е гг. Дела Земельного отдела указанного архива позволяют познакомиться с шестью немецкими колхозами — «Красный механизатор» (Ново-Саратовская колония), «Рот фронт» (колония Веселый поселок), «Роте фане» (Стрельнинская колония), «Камиска» (Камиска), колхоз им. Максима Гельца (колония Овчино), колхоз им. К. Либкнехта (Парголовская колония). Сведения по этим колхозам довольно разрозненны, не отражают состояния колхозов на протяжении ряда лет, в некоторых случаях отчетные материалы заканчиваются 1936 или 1940 гг. Данные о немецких колониях (по документам 1920-х гг.), соотнесенные, по возможности, со сведениями о немецких колхозах 1930-х гг., представлены в составленной автором таблице (см. табл. 3).

Таблица 3. Число хозяйств в немецких колониях (1920-е гг.) и колхозах (1930-е гг.) (по архивным данным и материалам немецкой газеты «Роте цайтунг»)

Название колонии	1920-е годы		1930-е годы		Дополнительные сведения	
	Число домохозяев	Название колхоза	Число хозяйств	Число колхозов	о колхозах	
1. Ново-Саратовская	203	«Роте механизатор»	124			Колхоз «Молпр» (около Лигово)

Название колонии	1920-е годы		1930-е годы		Дополнительные сведения	
	Число домохозяев	Название колхоза	Число хозяйств	н/свед.	о колхозах	о колхозах
2. Средняя Рогатка	132	Им. Э. Тельмана	н/свед.	115	Колхоз «Ротер аксрбауэр» (около Кипсви)	Колхоз «Ротер аксрбауэр» (около Кипсви)
3. Ижорская (Колпино)	128	Им. Э. Тельмана	115		Колхоз «Торлтер»	Колхоз «Торлтер»
4. Стрельнинская	54	«Роте фане»	(73) 68		Колхоз «1 Май»	Колхоз «1 Май»
5. Овцино	88	Им. Макса Тельды	45		Колхоз «Форвартс цур коммунизм»	Колхоз «Форвартс цур коммунизм»
6. Яннино	50	«Ударник»	н/свед.		Колхоз «Красная горка» (около Кингиссипи)	Колхоз «Красная горка» (около Кингиссипи)
7. Каменка	50	«Каменка»	70			
8. Малая колония	17					
9. Ново-Александровская	33					
10. Веселый поселок	26	«Рот фронт»	16			
11. Мурино	7	(в 1940 г. — 18)				
12. Красненская	18					
13. Гражданка	40					
14. Уткина заводь	18					
15. Смольная	16					
16. Парголовская (Шуваолово)	74	Им. К. Либкнехта	н/свед.			

В первые годы существования колхозов регулярно проводились общие собрания. В материалах за последующие годы можно ознакомиться в основном с протоколами заседаний правлений колхозов. Общие собрания проводились лишь один раз в году, ибо на них крестьяне задавали нелицеприятные вопросы, высказывали претензии в адрес райколхозотдела, МТС, говорили об отсутствии литературы на немецком языке. Единственная газета на немецком языке, издаваемая в Ленинграде с 1931 г., только с 1935 г. в связи с проведением II Всесоюзного конгресса колхозников в Москве, начала писать о немецких колхозах Ленинградской области. В «Роте цайтунг» (№ 15 за 1935 г.) было сказано, что партийная организация и С. М. Киров уделяли большое внимание нацменам.

Приведем краткие данные о немецких колхозах. Колхоз «Красный механизатор» Новосаратовского сельсовета Ленинградского пригородного района. Эта сельскохозяйственная артель располагалась в селении старшей Новосаратовской колонии, была организована 4 марта 1930 г. Колхоз в то время объединил 55 хозяйств. По социальному положению домовладельцы подразделились на 12 батраков, 19 бедняков, 16 середняков, 4 рабочих и 5 служащих. Всего проживал там 231 чел., из них — 206 немцев, 25 русских; члены ВКП(б) — 3 чел., члены ВЛКСМ — 2. Правление состояло из 9 чел. — 7 немцев, 2 русских. Председатель колхоза — партийный рабочий И. Е. Павлов. В 1932 г. новый председатель И. Г. Фогельгезанг, из бедняков, учился на курсах председателя колхоза [34]. В 1933 г. положение колхоза было не из лучших — коровы болели туберкулезом, сена не хватало, необходимо было закупить овес, на лесозаготовку местные власти требовали 20 лошадей, но за два года лошади так истощали, что висели на веревках [35]. В том же году поднимался вопрос о роспуске колхоза [36]. В 1934 г. колхоз был приписан к Колтушской машинно-тракторной станции. В нем насчитывалось уже 93 двора (по другим документам — 104), 476 едоков, трудоспособных — 172 чел. Из протокола общего собрания от 24 февраля 1936 г. явствует, что райисполком предложил колхозникам переизбрать бывшего тогда председателем тов. Баранова на передового бригадира А. Я. Грауде, так как колхоз имел свои кадры, дела шли неплохо. Но большинство колхозников выступило против этого предложения, заявив, что «без Баранова мы пропадем, окрепший колхоз снова покатится вниз» [37]. К сожалению, на основании неполных документальных архивных данных трудно дать объективную характеристику состоянию колхоза. Отчеты за различные периоды имели отличия друг от друга показания, как правило, все планы выполнялись на 100%. В кратком 15-дневном отчете за 30 апреля 1933 г. в графе «продано в порядке колхозной торговли» читается отчет: «ввиду запущенности счетоводства неизвестно» [38]. В газете же «Роте цайтунг» в 1935 г. писали, что в этом колхозе ранее систематически срывались планы. По словам газеты, виновниками были местные кулаки, теперь же коммунист тов. Баранов очистил колхоз от кулаков и других деклассированных элементов, и положение исправилось [39].

О второй старшей колонии Средняя Рогатка, превратившейся в колхоз им. Тельмана, к сожалению, документов в Ленинградском областном государственном архиве нет. Некоторую информа-

способных — 107 чел., лошадей — 45; общая площадь, принадлежавшая колхозу, составляла 469,6 га, под посевами в 1931 г. было 246 га; в 1932 г. под огород было занято 65 га, картофель — 55 га, корнеплоды — 12 га, силос — 8 га, под травы на сено — более 100 га, горох — 5 га, ячмень — 5 га, овес — 48 га. В парниках выращивались томаты, петрушка, сельдерея, пастернак, салат, шпинат, лук порей и другие культуры [45]. Из отчета колхоза за 1932–33 гг. узнаем, что обобщественных лошадей было 47, коров — 70, в единоличном пользовании — 32 коровы; в колхозе 2 бригады, торговолю колхоз вел самостоятельно, аванс распределял от суммы, вырученной из колхозной торговли, осуществляемой в Ленинграде [46].

Среди сохранившихся архивных документов колхоза представляется интерес экономический отчет Наркомзему СССР о сокращенном годовом итоге 1932 г. (данные отчета приводятся в сокращенном виде). Основное направление колхоза — овощно-молочное. Государственный план заготовки выполнен на сумму 53 328 руб. Учас- тие колхоза в советской торговле — 126 766 руб. Всего получено сво- их средств 306 352 руб. Колхозом израсходовано 241 959 руб. на дол- государственному банку. МТС, налоги, страховку, семена, фураж, административно-хозяйственные нужды, денежные авансы колхозни- кам, покупку инвентаря. Далес, колхозники и члены их семей име- ли соответственно 72 и 41 членских книжек, всего едоков в колхо- зе 207 чел., служащих и учителей — 9, на 1 декабря 1932 г. начисле- но 25 024 трудодня. Колхозники получили 44 ц зерна, прочих про- дуктов питания на сумму 14 633 руб., денежные выдачи колхозни- кам составили 207 412 руб. [47]. Из приведенных данных видно, что колхоз не был убыточным, и на 1934 г. капитальные вложения со- ставляли 118 000 руб., колхозом был построен скотный двор, ко- нюшня, хранилище для овощей, куплен грузовой автомобиль, от- крыта столовая. Колхозники выезжали в город — в театр и на вече- ра в немецкий дом просвещения [48].

Но не всем колхозам удалось достичь уровня «Роте фане». Так, колхозы им. Либкнехта, «Каменка», «Ротер акербauer» входили в группу отстающих.

Определенный интерес представляет устав колхоза им. Маркса Гельца [49]. Как отмечалось выше, в 1925 г. в колонии Овчино, где расположился указанный колхоз, был создан кооператив «Немец- кий колонист» со своим уставом. Но уже в 1931 г. при создании кол- хоза крестьяне были вынуждены принимать новый устав, по кото- рому все межи, разделявшие земельные наделы, уничтожались, все

цию можно получить из материалов газеты «Роте цайтунг», где го- ворилось о том, что колхоз «Тельман» в Средней Рогатке шел ста- линским маршрутом, каждая бригада, каждый колхозник брали социалистические обязательства; планы по химическому удобре- нию, вывозу навоза, подготовке парниковых рам выполнены; в кол- хозе строили хлев, клуб, купили лошадей, грузовик, сельхозтехни- ку [40].

Что же касается третьей старейшей колонии Ижорская (около Колпино), то в архиве нет документов по этому колхозу, получив- шему название «Им. Тельмана». Несколько публикаций о культурной жизни этого колхоза можно встретить в немецкой газете «Роте цай- тунг».

Наиболее подробно представлены в архиве данные по бывшей Стрельнинской колонии, ставшей в апреле 1930 г. колхозом «Роте фане». В это время в колхоз вступило 38 хозяйств, 9 хозяйств раску- лачили. В феврале 1931 г. в колхозе насчитывалось 60 хозяйств; в него вступил 121 человек, в том числе 2 батрака, 44 бедняка, 69 се- редняков, 4 рабочих, 2 служащих; 3 члена ВКП(б), 3 члена ВЛКСМ; по национальному составу: 113 немцев, 6 русских, 2 эстонца [41]. При знакомстве с сохранившимися протоколами заседаний обще- го собрания можно выявить реальные трудности крестьян в первые годы существования колхоза. Так, крестьянами поднимался вопрос о неполучении промтоваров за сданные овощи, о плохом качестве парниковых рам, о нехватке стройматериалов для строительства скотного двора, об отказе в скидке за оплату содержания детей на детской площадке и многое другое [42]. В связи с трудностями с промтоварами подписывали договоры о сдаче Ленрайсоюзу капу- ты при условии расчета: 50% — деньгами, 50% — промтоварами [43], при этом излишки овощей (10 т моркови, 10 т свеклы, 1 т репы) Плодоовощколхозцентр требовал сдать государству [44]. На отчет- ном заседании правления колхоза в декабре 1931 г. было установле- но: в хозяйстве удой молока составил 33 400 л, сдано государству на 1 декабря 19 535 л, колхозники имели право получить 25% от удоя (8350 л), в хозяйстве осталось излишков на 5515 л. Поэтому было постановлено увеличить ежедневный отпуск молока колхозникам до одного литра. Определенный интерес представляет отчет кол- хозного агронома, сделанный на заседании правления. Поскольку доклад не являлся рапортом вышестоящим инстанциям, его данные можно принять во внимание. По сведениям агронома, в 1932 г. в колхозе насчитывалось 73 хозяйства, всего едоков было 173, трудо-

полевые наделы сливались в единый земельный массив и пересодили в коллективное пользование. В колхоз могли вступить с 16 лет, не принимались кулаки и лица, лишенные избирательских прав. Поэтому не всем немецким крестьянам удавалось быстро адаптироваться к новым условиям. Не случайно в архивных колхозных делах и публикациях немецкой газеты отмечались факты невыхода крестьян на поля, особенно это касалось женщин. В той же газете были напечатаны статьи от имени бывших бедняков и батраков с рассказом об изменении их жизни в лучшую сторону. Вероятно, это так и было. Вместе с тем во многих статьях отмечались негативные явления — плохая работа МТС, нерадивое отношение к работе колхозников. Журналисты журили руководство колхозов за отсутствие красных уголков, стенгазет и прочее. Отсутствие литературы на немецком языке компенсировалось выпиской указанной выше газеты, особенно в 1935 г. В 1930-е гг. отмечались, безусловно, советские праздники, но особенно широко праздник урожая; начинала возобновляться работа клубов, где создавались духовые оркестры и драмкружки. Одним из положительных моментов того времени можно считать то, что в Пригородном районе Ленинградской области функционировали 6 начальных школ и 2 семилетки для немецких детей, в которых дети немецких колхозников могли изучать родной язык. В 1937 г. все школы нацменов в стране были закрыты.

Дополнительным источником изучения жизни немецких колхозников являются фотодокументы, хранящиеся в Государственном центральном архиве кинофотодокументов в Санкт-Петербурге. Это фотографии ряда передовиков-колхозников. Фотографий не так много, но они являются наглядным материалом о жизни немецких колонистов в 1930-е гг. Например, фотографии колхоза им. К. Либкнехта от 1933, 1934, 1935 и 1936 гг. — колхозники у красного знамени, фотография члена колхоза К.А. Килия, группа колхозников, снимок силосной башни, скотного двора, колхозного стада, стахановка А.В. Валлизар; фотографии колхоза «Роте фане» от 1936, 1937 гг. — семеновод тов. Шефер, доярка Е.Н. Эдемиллер и др. Одна из фотографий 1937 года представляет особый интерес: на ней запечатлена крупным развернутым планом группа колхозников из «Роте фане», слушающих выступление председателя сельсовета, посвященное приговору суда над троцкистским блоком. Эта фотография уникальна тем, что с ее помощью можно определить живших в этом колхозе родственников. В архиве имеются

фотографии из колхоза, который не отражен в документах 1920 и 1930-х гг. — колхоз «Новая горка» Кингисеппского района (бывшие колонии Порховская, Луцкая и Франкфуртская Ямбургского уезда). Фотография крестьянина-стахановца К.А. Матизена сделана в его доме, мебель и убранство которого мало отличались от городских того времени — буфет, швейная машинка и др. [50]. Необходимо добавить, что в материалах газеты «Роте цайтунг» имеется значительное число фотографий из жизни немецких крестьян в 1935 г.

В связи с отсутствием в архивах полных данных о немецких колхозах в 1920-е гг. и немецких колхозах в 1930-е гг. трудно дать полную картину их экономического состояния в рассматриваемый период, но их роль в снабжении сельхозпродуктами в Ленинградской области, особенно в 1930-е гг., была значительна. Об этом говорилось в высказывании секретаря партийной организации Пригородного района области тов. Емельянова, опубликованном в газете «Роте цайтунг» в 1935 г. Суть его заключалась в том, что немецкие крестьяне в Ленинградской области составляли 3% от общего числа населения, обрабатывали 16% посевных и пахотных площадей Пригородного района и поставляли государству 20% всей сельскохозяйственной продукции района [51].

Судьба немецких колхозов и немецких колхозников известна. В задачу автора не входит проследить дальнейшее развитие хозяйства, созданных на местах бывших немецких колоний. И если в начале XX столетия в Петербургской губернии насчитывалось 30 крупных и мелких немецких колоний, то в указанных выше архивах, к сожалению, сохранились документы менее чем половины немецких хозяйств. Работа по поиску данных о судьбе немецких колоний в советский период будет продолжена.

Примечания

1. См.: Ленинград и губерния. Книжный сектор. Лубоно. 1925. С. 29
2. См.: Шрадер Т.А. Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в. // Немцы в России. Люди и судьбы. С.Пб., 1998. С. 81–100; Ес же: Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 1920-х гг. // Немцы и развитие образования в России. С.Пб., 1998. С. 260–268.
3. См.: Центральная государственная историческая архива С.-Петербурга (Дале — ШТИА). Ф. 2004. Оп. 1. Д. 746. Л. 2, 7–12, 13–16, 17 об., 21–22, 23–27, 29–29 об., 30–30 об., 32–33, 34, 35 об., 36.
4. См.: Там же. Л. 7–12.

5. Там же. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 929. Л. 12.
 6. См.: Там же. Л. 74.
 7. См.: Там же. Л. 92.
 8. См.: Там же. Л. 92, 93.
 9. См.: Там же. Ф. 2004. Оп. 1. Д. 730. Л. 249.
 10. См.: Там же. Л. 225.
 11. См.: Там же. Л. 251.
 12. См.: Там же. Л. 250.
 13. См.: Там же. Л. 252.
 14. См.: Там же. Л. 242, 307.
 15. См.: Там же. Л. 113, 117.
 16. См.: Там же. Л. 124.
 17. См.: Там же. Л. 15.
 18. См.: Там же. Л. 727. Л. 120.
 19. См.: Там же. Д. 730. Л. 246-350.
 20. См.: Там же. Л. 4, 5, 12.
 21. См.: Там же. Л. 318.
 22. См.: Там же. Л. 278-278 об.
 23. См.: Там же. Л. 13.
 24. См.: Там же. Д. 1471. Л. 4.
 25. См.: Там же.
 26. См.: Там же. Л. 8, 8 об.
 27. См.: Там же. Л. 9, 9 об.
 28. См.: Там же. Л. 4.
 29. См.: Там же. Л. 38.
 30. См.: Там же. Д. 7333. Л. 10.
 31. См.: Там же. Д. 2069. Л. 1.
 32. См.: Там же. Л. 4-4 об.
 33. См.: Там же. Д. 2078. Л. 1-9.
 34. См.: Ленинградский областной государственный архив (Далее — ЛОГА).
 Ф. 300. Оп. 13. Д. 110. Л. 2.
 35. См.: Там же. Л. 12.
 36. См.: Роте цайтунг (Далее — РЦ). 1935. № 15. С. 7.
 37. ЛОГА. Ф. 300. Оп. 13. Д. 113. Л. 12.
 38. Там же. Л. 14.
 39. См.: РЦ. 1935. № 56. С. 4.
 40. См.: РЦ. 1935. № 43. С. 4; № 48. С. 4.
 41. См.: ЛОГА. Ф. 300. Оп. 13. Д. 225. Л. 5-5 об.
 42. См.: Там же. Л. 8, 22, 22 об.
 43. См.: Там же. Л. 26 об.
 44. См.: Там же. Л. 28 об.
 45. См.: Там же. Л. 36-39.
 46. См.: Там же. Д. 231. Л. 1.
 47. См.: Там же. Л. 12.
 48. См.: РЦ. 1935. № 15. С. 7.
 49. См.: ЛОГА. Ф. 300. Оп. 6. Д. 340. Л. 1-4.
 50. См.: Государственный центральный архив кинофотодокументов: Ар34078,
 1939 г.; Ар34068, 1939 г.; Ар30371, 1933 г.; Вр33279, 1939 г.; Вр24359, 1935 г.;
 Пр55858, 1933 г.; Пр55857, 1933 г.; Пр80160, 1934 г.; Вр33319, 1936 г.; Вр33318,
 1936 г.; Вр33278, 1937 г.; Ар31842, 1936 г.; Ар32589, 1936 г.; Ар44069, 1937 г.
 51. См.: РЦ. 1935. № 56. С. 4.

В статье приведены:

Меры наказания:

1 десятина = 1, 093 га
 1 кв. сажень = 4,552 кв.м

Меры веса:

1 пуд = 16, 38 кг
 1 фунт = 409, 5 г